

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ

ЧИТАЙТЕ ДЕТЕКТИВЫ **ОЛЬГИ ВОЛОДАРСКОЙ!** В НИХ НЕТ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ!

Кара Дон-Жуана
Последнее желание гейши
Хрустальная гробница Богини
Сердце Черной Мадонны
Король умер, да здравствует король
Принцип перевоплощения
Свидание с небесным покровителем
Клятва вечной любви
Ножницы судьбы
Неслучайная ночь
Подумай об этом завтра
Призрак большого города
Девять кругов рая
Страсть под чужим именем
Отвергнутый дар
Тайный дневник Лолиты
Лунный демон
Он бы отдал жизнь
Седьмая казнь
Две половинки темной души
Каждый день как последний
Гибельный голос сирены
Мемуары мертвого незнакомца
Дефиле над пропастью
Любовь как война
Красавица-чудовище
Нет дьявола во мне
Пикник на Млечном пути
Договор на одну тайну
Исповедь отшельника

Ответ перед высшим судом
Поединок с мечтой
Предпоследний круг ада
Земля перестанет вращаться
То ли ангел, то ли бес
Первая жизнь, вторая жизнь
Кукла затворника
Осколки хрустальной мечты
Шепот горьких трав
Обет без молчания
О чем молчит ветер
Нерассказанная сказка Шахерезады
Призраки забытых могил
Тревожное эхо пустыни
Я знаю, кто меня убил
Жена Синей Бороды
Найди меня под облаками
Там, где растает мой след
Воскреснуть, чтобы снова умереть
Проклятие Спящей красавицы
Письмо из ниоткуда

Сериал
«Сокровища князей Шаховских»
Его величество случай
Карма фамильных бриллиантов
Наш грешный мир

ОЛЫГА ВОЛОДАРСКАЯ

СВИДАНИЕ
С НЕБЕСНЫМ
ПОКРОВИТЕЛЕМ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
В68

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Володарская, Ольга.

В68 Свидание с небесным покровителем : роман / Ольга Володарская. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-213219-3

Он называл себя Габриелем. Ему нравилось значение этого имени: «Моя сила в Боге». Габриель на самом деле ощущал и силу, и божественное покровительство... Только он был убийцей — холодным и беспристрастным, как средневековый палач. И перед тем, как встретиться с небесным покровителем, Габриель дал себе зарок: отправить на тот свет пятерых людей...

Старший следователь Митрофан Голушко очень переживал за свою жену Марго, тяжело переносившую беременность, и отправил ее в элитный пансионат «Эдельвейс». Самочувствие Марго сразу улучшилось, и вообще ей очень нравилось там отдыхать, пока... по «Эдельвейсу» не прокатилась волна самоубийств! Митрофан сразу заподозрил, что эти преступления слишком похожи на замаскированные убийства...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Володарская О., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-213219-3

День первый

Митрофан

Рабочее утро понедельника старший следователь Митрофан Васильевич Голушко начал, как всегда, с завтрака. По устоявшейся за много лет привычке, войдя в кабинет, он первым делом достал из портфеля бумажный сверток, в котором лежало несколько кусков сыра с плесенью и десяток постных крекеров, положил его на стол, сам уселся на стул и приготовился трапезничать. Обычно стоило ему достать еду, как в кабинет кто-нибудь вламывался, как правило, это был старший опер Леха Смирнов, лучший друг Голушко. Но сегодня ни одна душа не потревожила Митрофана. Он спокойно достал свой завтрак, разложил его на салфетке, заварил себе травяного чая и приготовился поесть, но... Аппетита не было! Та еда, которой он был верен многие годы, вдруг перестала вызывать в нем положительные эмоции. Раньше у него слюнки текли при одном виде вкрапленной в сыр зеленоватой плесени, а теперь Митрофан не чувствовал ничего. Хотя есть хотел! Со вчерашнего вечера Митрофан выпил только стакан кефира, и желудок утробным урчанием напоминал Голуш-

ко о том, что надо бы его чем-нибудь заправить. Митрофан поднес ко рту кусок сыра, но через секунду с отвращением вернул бри на салфетку...

«Сальца бы сейчас! — впервые за сорок с лишним лет возжелал Голушко. — С черным хлебушком. А еще картошечки жареной, селедки с луком и стопку водки!»

Эти мысли были настолько нетипичны для него, что сравнить их можно было только с богохульными высказываниями праведника. Митрофан терпеть не мог сало, крайне редко ел жареное, к селедке был равнодушен, а водку не пил вовсе. Так с чего вдруг возник этот порыв отравить свой организм всякой вредной гадостью? Ну просто токсикоз какой-то!

— Добрейшего утра вам, драгоценный Митрофан Васильевич! — донеслось со стороны двери. Подняв глаза от не вызывающего ничего, кроме тоски, завтрака, Голушко увидел входящего в его кабинет Леху. — Трапезничать изволите?

— Угу, — без энтузиазма ответил Митрофан и, сунув в рот кусок сыра, стал его вяло пережевывать. — Хочешь со мной?

— Это? — поморщился Леха. — Не, Мить... Этого не хочу. Сальца бы!

— Я б тоже не отказался, — вздохнул Митрофан.

— Вот ты и прокололся! — радостно вскричал Леха. — А ведь столько лет уверял меня, что его не ешь.

— А я и не ел никогда... Но сегодня вдруг про-

било... — Голушко с тоской посмотрел на сыр, затем на Смирнова. — У тебя нет случайно кусочка?

— Не-а...

— А что есть?

— Бутерброды с колбасой... — Видя, как оживился старший следователь, Леха сразу же предостерег: — Только булка сдобная с изюмом, а колбаса с жиром.

— Отлично, неси!

— Да у меня с собой! — обрадовал Митрофана товарищ. Он поставил на стол заплечную сумку и достал из нее полиэтиленовый пакет. В нем стопочкой лежали бутерброды с недорогой вареной колбасой, вид которой обычно вызывал у Голушко приступы тошноты, а нынче — зверский аппетит. — Ты что, и вправду будешь это есть? — недоверчиво спросил Леха, когда Митрофан потянулся к бутерброду. Никогда раньше он не видел, чтоб Голушко употреблял в пищу нечто подобное. — И не стошнит?

— Нн-не-а, — невнятно ответил тот, вгрызаясь в угощение.

— Да, Митя, совсем ты плохой стал, — покачал головой Леха. — Худеешь вон не по дням, а по часам... Не заболел ли?

Голушко и вправду худел просто на глазах. От рождения он был крупным, ширококостным, мясистым (пошел в мать, которую никогда не видел — она спихнула новорожденного сына отцу, карточному шулеру по кличке Базиль), а после двадцати стал неумолимо обрастать жирком. Из-за этого к

тридцати годам Митрофан превратился в бугая со свисающим на ремень брюк животом и очень походил на одного из персонажей картины Сурикова «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». И не только из-за комплекции, но еще из-за вислых усов, лысины и налитых щек. Тот, кто не знал Митрофана, мог принять его за обжору и пьяницу, тогда как он был трезвенником и ел, словно птичка. Но при этом оставался толстым и красномордым на протяжении полутора десятков лет. Леха, знакомый с ним все это время, уже и не представлял товарища другим, но в последнее время стал замечать, что Голушко стремительно терял вес и здоровый цвет лица. И если новоявленную бледность можно было еще как-то объяснить: масса тела снизилась, давление вошло в норму, — то отчего Митрофан «таял», Леха не мог взять в толк. Рацион его питания не изменился, спортом он заниматься не начал, таблетки тайские принимать тем более, но сальцо с боков старшего следователя испарялось и испарялось...

Заболел, наверное.

— Мить, правда, что с тобой, а? — обеспокоенно спросил Леха. — Может, глисты?

— Дурак ты, Смирнов, какие глисты? Откуда?

— Из плесени твоей... — Он ткнул пальцем в сыр. — Грязь и несвежие продукты — источник всякой заразы!

Митрофан закатил глаза. Он уже устал объяснять Смирнову, что плесенью сыр искусственно начиняют, а не он сам ею покрывается от долгого

лежания. Что же касается всякой заразы, то, по мнению Голушко, гораздо вероятнее ее подцепить, поедая дешевую колбасу, к коей Леха питал необъяснимую слабость. Неизвестно, из чего ее делают. Ладно, если из бумаги, а то, может, из крысятинны какой...

— Лех, а из чего эту колбасу производят? — запоздало испугался Митрофан.

— Да из окорочков, наверное, штатовских, — пожал тот плечами. — Ну а для вкуса чесночку добавляют да перчику... — Видя, что Голушко вновь принимается за бутерброд, Леха, пока тот не подчитил весь его завтрак, ухватил одно колесико колбаски и отправил в рот. — Слушай, Митя, я тут супругу твою видел и прям не узнал... Округлилась так... Похорошела... Не знал бы я, что твоя Марго чистый ангел, решил бы, что она из тебя, как вампир, кровушку высасывает... Ну или скандалами до истощения доводит... Сама-то вон какая справная стала, а ты сдуваешься на глазах!

— Лех, я тебе сейчас одно признание сделаю, только ты никому, ладно?

— Ты че, кому? Я могила...

— Марго беременна!

— Да ты что? — радостно подпрыгнул на стуле Леха. — И на каком она сроке?

— Уже шестой месяц!

— Надо же, а я живота не заметил!

— Он у нее маленький, незаметный. Только если разденется, видно...

— Ну, даешь, хохол! И молчал ведь...

— Сглазить не хотел... У нее угроза выкидыша была все это время... — Митрофан тяжело вздохнул, отложив в сторону последний недоеденный бутерброд. — Ты же знаешь, она у меня не самая крепкая и здоровая женщина в мире...

Леха это знал. А также историю знакомства Митрофана с будущей женой. Произошло это два с половиной года назад. Марго тогда работала в элитном борделе «Экзотик», а Митрофан вел дело об убийстве проституток этого самого борделя. Первой погибла гермафродит Афродита, второй толстуха Венера, третьей жертвой могла стать карлица Марго, но благодаря старшему следователю Голушко (а в большей степени его отцу Василию Дмитриевичу) девушка осталась жива. Тут бы всем порадоваться, но Митрофан, влюбившийся в опекаемую им Марго, никак не мог переступить через себя и связать свою жизнь с бывшей проституткой. Марго же не желала оставаться карлицей до самой смерти и пошла на мучительную операцию по наращиванию конечностей. В общем, воссоединились влюбленные только спустя полгода, но зато почти сразу поженились и зажили всем на удивление¹...

Вот только детей завести у них не получалось.

Врачи говорили, что причина в Марго, но при этом успокаивали ее тем, что таким женщинам, как она, с «детским тазом», вообще беременеть про-

---

¹ Подробно об этом читайте в романе О. Володарской, «Последнее желание гейши». Издательство «Эксмо».

тивопоказано — не разродишься. Однако она готова была рискнуть, лишь бы подарить супругу наследника (или наследницу — Митрофан, собственно, больше хотел девочку), любимому свекру внука, ну и себе, конечно, отраду...

Но не получалось! Целый год не получалось.

— Я, Лех, так за нее беспокоюсь, — продолжал Митрофан. — У нее первые три месяца токсикоз жуткий был. Рвало не переставая, а теперь приступы обжорства... Главное, раньше ела как Дюймовочка, отец ее насильно кормил, а теперь как слепая лошадь... Все ест, что не приколочено... А потом мучается! То изжога, то колики...

— Изжога — к волосатому младенцу, — со знанием дела изрек Смирнов. У него было двое сыновей, так что в вопросе деторождения он считал себя опытным человеком. — А колики у всех беременных бывают, так что не переживай!

— А я переживаю, — вздохнул Митрофан. — Папаня тоже волнуется... Как клушка над Марго трясется... Уж как рыбалку любит, ты знаешь, а этим летом только на утреннюю ездил, чтоб Марго не оставлять без присмотра...

— Так ты вроде вчера по телефону мне говорил, что Василь Дмитрич укатил на Волгу на все неделю...

— Ну да, уехал. Взял лодку надувную, палатку, снасти и рванул... Но только после того, как я жену в дом отдыха отвез.

— В какой такой дом отдыха? Ты мне ничего не говорил...

— «Эдельвейс» называется.

— Ни фиги себе! — присвистнул Леха. — Крутейшее местечко! Путька туда стоит, как тур по Европе! — Смирнов подозрительно прищурился. — Ты, Митя, что, взятки начал брать?

— С ума сошел?! — возмутился Голушко.

— Тогда откуда бабло? Тридцатку на путьку при нашей-то зарплате выкружить никак невозможно!

— Мне она за три с половиной тысячи досталась!

— Бро-ось, — протянул Леха недоверчиво.

— Да точно тебе говорю! Десять процентов плюс налог...

— С каких это пор МВД стало оплачивать путьки в буржуйские дома отдыха? У нас вроде были только в ведомственные санатории... И то по большому благу!

— Да мне «горящую» предложили! Буквально за несколько часов! Позвонили вечером, спросили: «Хочешь завтра жену в дом отдыха отправить?» Ну, мы с отцом посоветались и решили, что идея хорошая...

— Кто предложил?

— Председатель нашего профсоюзного комитета. А отказалась от путьки безызвестная тебе Катерина Сергеевна Пухлова.

— Какая еще Пухлова? Знать такую не знаю...

— Лех, да ты что? Это ж секретарша генерального прокурора!

— Ах, Катюня! Ее-то, конечно, знаю! Она у нас

личность, не побоюсь этого слова, звездная... — Видя, что Митрофан не совсем понимает его мысль, Леха пояснил: — Бессменная секретарша всех прокуроров. И по совместительству любовница! Она на своей должности уже восемнадцать лет. Прокуроры за это время менялись раз пять, а Катюня... как константа! Бабе за сорок, а все еще умудряется своих начальников раскручивать не только на секс, но и на нехилые подарочки! Один ей квартиру выхлопотал, второй дачу, третий машину помог купить... Вот и нынешний наш прокурор, Слонов, Катюню не обижает! Нам, значит, путевки в ведомственные клоповники, а ей в буржуйский «Эдельвейс»!

— Название только какое-то идиотское, — заметил Голушко.

— Почему это?

— Насколько я знаю, эдельвейс — это горный цветок...

— Ну да...

— А дом отдыха находится далеко не в горах... Расположен он на берегу Волги, уместнее было бы его «Кувшинкой» назвать... Или «Ивушкой» какой-нибудь...

— Скажешь тоже — «Кувшинкой»! — фыркнул Смирнов. — Это тебе детский сад, что ли? А «Ивушка» только для забегаловки, где пиво в розлив продают, подходит! Пафосные дома отдыха должны красиво называться! «Эдельвейс» звучит недурственно, как раз под стать местечку...

— Да, местечко замечательное! Я когда Марго

туда отвозил, просто диву давался... На территории фонтаны, всякие беседки, бассейн с горками, карусели... К реке лестница ведет, а у причала скутеры, моторки и даже катера. Все в прокат дают...

— Эх, покататься бы на катерке! С ветерочком! Я ведь умею им управлять... Сам знаешь, когда-то речное училище окончил!

— Аренду не потянешь. Я ради интереса спросил, сколько стоит, так чуть не поперхнулся: два часа — десять тысяч!

— Месячная зарплата, — тяжело вздохнул Леха.

— А еще в залог оставить надо какую-то невероятную сумму... Ну, если ты сам за штурвал встанешь... По нашим с тобой деньгам там только катамараны. Марго у меня, кстати, очень любит на них кататься...

— А номер у нее хороший?

— У нее даже не номер, а целое бунгало!

— Ого!

— Да, Леха, представь себе. Там, кроме главного корпуса, еще есть отдельные домики. Маленькие, но очень уютные. А какой с веранды чудный вид на реку открывается...

— Все, Голушко, хватит меня травить! Я тоже в «Эдельвейс» хочу. Хоть одним глазком взглянуть бы, как там что...

— Ладно, поеду Марго навещать — тебя с собой возьму.

— Заметано! — возликовал Леха.

Тут у Митрофана затренькал сотовый телефон. Взглянув на экран, он с улыбкой сказал:

— А вот и батя! Суток не прошло, как уехал, а уже звонит...

— Соскучился.

— Как же — соскучился, — фыркнул Митрофан. — Контролирует! Как маленького... — И, нажав на кнопку приема, сказал в трубку: — Привет, папа, как рыбалка?

— Здорово, сын, — отозвался Василий Дмитриевич. — Да не очень, знаешь ли...

— Что так? Клев плохой? Хотя ты ж на сетку ловишь, так что...

— Мить, я тут труп нашел, — прервал его Базиль.

— Чей? — опешил Митрофан.

— Труп мужчины. Лет эдак сорока. Судя по всему, это отдыхающий из «Эдельвейса».

— И где ты его нашел?

— На катере, принадлежащем дому отдыха... — И добавил после паузы: — Высылай бригаду, похоже, его убили...

Базиль

Убрав телефон в карман, Базиль вновь посмотрел на покойника. Тот лежал со вскрытыми венами на запястье в наполненной водой ванне. Естественно, голый. Мускулистое, немного заплывшее жирком тело начало синеть, но Базиль хорошо рассмотрел на шее кровоподтек. Он запросто мог появиться после того, как «самоубийца», начав отключаться, уронил голову на край ванны, но Го-

лушко не сомневался, что мужчина умер насильственной смертью. И у него были на то основания.

Базиль прибыл на речной островок вчерашним вечером. Пока разгрузил лодку, пока палатку разбил, пока сети поставил, уже и ночь пришла. Выпив пару стопок водочки и перекусив бутербродами с салом, Базиль улегся подремать прямо на свежем воздухе. Только уснул, как его разбудил нарастающий шум мощного лодочного мотора. Вскочив испуганно, Базиль бросился к реке, чтобы посмотреть, не рыбнадзор ли. Браконьеров нынче летом наказывали нещадно: штрафовали на несколько минимальных окладов и навсегда лишали членства в обществе «Охотник и рыбовод». Базиль состоял в нем лет тридцать и не хотел лишиться своего билета, поскольку планировал по осени съездить к приятелю на Ветлугу, пострелять глухарей.

Спрятавшись в ветках пышного кустарника, Голушко стал вглядываться в даль, туда, откуда в направлении острова двигался катер. Когда тот приблизился достаточно, чтобы можно было рассмотреть все в деталях, Базиль с облегчением выдохнул: не рыбнадзор! Всего лишь прогулочный катер: на борту большими буквами было написано: «Эдельвейс». Сначала он шел быстро, но потом замедлил скорость, а возле острова и вовсе остановился.

«Ну что за гадство такое! — выругался Базиль про себя. — Что им, других мест мало? Нашли куда

причалить! Тут комарье злое, берег плохой, не покупаешься. Да и природа никакая, одни кусты...»

Базиль, собственно, именно из-за них этот остров и облюбовал. В зарослях было удобно прятать свой «бивак» от того же рыбанадзора. А еще он был уверен, что тут его никто не потревожит, и вот по-ди ж ты...

Пока Базиль мысленно возмущался, катер легонько покачивался на воде. Голушко ждал, что сейчас на палубе зажгутся фонари, но ничуть не бывало. Однако уже светало, и он смог увидеть, что тот, кто управляет катером, все еще находится в рубке. Но находился он там недолго. Выключив приборы, человек покинул рубку и спрыгнул с палубы в воду. Именно спрыгнул, а не сошел, перекинув специальный мостик. После чего выбрался из реки на берег и, ни на секунду не останавливаясь, направился куда-то, ловко раздвигая ветки кустарника. Он прошел в каких-то тридцати сантиметрах от укрытия Базиля, но не заметил его. Что Голушко порадовало. Но было и то, что его огорчило, а именно: на человеке оказался плащ-палатка, и ни лица, ни фигуры нельзя было рассмотреть. Кисти рук, высунутые из прорезей, и те были затянуты в перчатки, так что Базиль даже не мог сказать, мужчина это или женщина. Естественно, он больше склонялся к первому, но только потому, что слабо представлял себе даму, умеющую управлять катером, а главное, имеющую на это официальное разрешение...

Да и что представительнице прекрасного пола делать ночью на необитаемом острове?

«А с другой стороны, и мужику тут делать нечего, — сам себе возразил Базиль. — Если только рыбу ловить, но у человека с катера при себе не было никаких снастей... — Тут в голову пришла новая мысль: — А может, у него здесь тайная встреча? А что? Место самое подходящее для этого! А еще для того, чтобы тут что-нибудь спрятать... — Воображение разыгралось еще сильнее. — Или зарыть клад... Или труп! — Но здравый смысл не позволил Базилю развить тему. — Да нет, глупости! Тогда при человеке была бы лопата... Не палкой же он копать будет?»

Устав ломать голову над этим вопросом, Базиль вернулся к месту ночевки. Хотел еще немного подремать, но ему не спалось. Усевшись на перевернутое ведро, достал из сумки бутылку и, налив водки в стакан, залпом выпил. Голушко не был алкоголиком. Но выпить любил. Особенно на природе. А уж под ущицу с костра мог выкушать целую бутылку. По его мнению, никакие омары с шампанским (а уж тем более сыр с плесенью и травяной отвар) не могли сравниться с этим нехитрым рыбацким угощением.

Мысль об ухе вызвала в желудке Базилия урчание. Заглушив его куском сала, Голушко подхватил свою надувную лодку и поволок ее к реке. Пришло время проверить сетки.

Сделав это, Базиль вернулся на берег. Разжег костер и стал чистить выловленную рыбу. Пока

орудовал ножом, все на катер косился. То, что тот стоял тут брошенным уже несколько часов, казалось ему странным...

Базиль знал обо всех своих недостатках. И их было немало. Но главным он всегда считал любопытство. Кто бы знал, как он из-за него страдал! Многократно получал по «репе» — это раз, вляпывался в неприятные истории — два, выслушивал выговоры от Митрофана — это три, разочаровывался в своих женщинах — четыре.

И главное, с возрастом порок все чаще давал о себе знать. Обычно Базиль проявлял любопытство по отношению к сыну. Когда тот еще не был женат, старший Голушко то и дело подслушивал под дверью и просматривал личные вещи Мити, в надежде отыскать хоть одно доказательство того, что у «мальчика» существует личная жизнь (как оказалось, зря тешил себя этим — Митрофан жил одной работой). Когда сын женился, Василь Дмитрич несколько поубавил свой пыл, но все равно постоянно лез с расспросами то к нему, то к снохе, а если его любопытство не удовлетворялось, обижался. Базиль понимал, это старческий заскок, как-никак ему уже семьдесят, ругал себя, пытался изменить, но все впустую.

«Что, старый дурень? — говорил он себе постоянно. Вот и сейчас его монолог не отличался оригинальностью. — Забыл про Варвару, которой нос на базаре оторвали? Опять лезешь куда не следует? — И тут же себе возразил: — А с другой сторо-

ны, есть мнение, что любопытство — не порок, а раз так...»

Базиль, решительно потрянув седым чубом, забрался на борт катера.

— Есть кто живой? — зычно крикнул он, заглянув на лестницу, ведущую вниз, туда, где располагалась каюта. — Ау!

Ему никто не ответил, и Базилью ничего не оставалось, как спуститься.

В каюте никого не было, но следы недавнего пребывания человека присутствовали: объедки, пустые бутылки из-под пива, кроссовки с вложенными в них ношенными носками. Базиль бегло осмотрел помещение и шагнул к полуоткрытой двери в санузел. Едва он туда заглянул, как увидел покойника. В том, что лежавший в ванне мужчина мертв, не было сомнений. Поэтому Базиль сразу же выудил из кармана сотовый телефон и набрал номер сына.

Сообщив о трупе, старший Голушко изучил место преступления (именно преступления, а не самоубийства) и самого покойника, еще раз уверился в своей правоте относительно насильственной смерти и вышел из санузла. Он собрался покинуть катер и дождаться приезда милиции на свежем воздухе, но все то же любопытство заставило его задержаться в каюте. Базиль еще раз, уже более пристально, осмотрел ее, и тут внимание его привлек вырванный из блокнота тетрадный лист. Он лежал на кровати, и Голушко в первый раз не заметил его только потому, что не заострял внима-